

11. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан: официальный сайт [Электронный ресурс] // Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://pravstat.prokuror.kz/rus>. – Дата доступа: 19.03.2016.

УДК 343.131.5

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

И.В. Данько,

профессор кафедры адвокатуры Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

В условиях стремительно развивающихся общественных отношений существенное значение приобретает вопрос эффективности их правового регулирования. Его актуальность определяется тем, что "отношение к праву как к важному элементу системы управления обществом основывается и на оценке правовых предписаний с точки зрения их влияния на экономику и общество в целом" [1, с. 5].

Обычно эффективность права понимается как соотношение цели и результата его (права) действия. Вполне закономерно, что эффективность процессуального права ставится в зависимость от результатов его регулирующего воздействия, достижения цели правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Несколько иначе это положение звучит в работе Ю.Г. Ткаченко: "Эффективность права раскрывается при сопоставлении последней стадии реализации права – правомерного поведения – с последней стадией правового регулирования – возникновением и изменением определенного характера общественного отношения" [2, с. 120]. Последняя стадия правового регулирования – это в определенном смысле цель, на достижение которой направлено регулирующее воздействие. Таким образом, эффективность системы норм процессуального права – это качество достижения стоящей перед такой системой цели, которое определяется сопоставлением достигнутого результата воздействия с заданными целями правового регулирования соответствующей области общественных отношений [3, с. 26].

Стоит отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) законодатель применительно к рассматриваемому вопросу слово «цель» не использует, оперируя термином «задачи». По мнению П.С.Элькинд, цель – философская категория, а задача имеет практическое значение. Если познание направлено на всю систему взаимосвязей данной категории вообще и в сфере конкретных общественных отношений в частности, используется понятие «цель». В тех же случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в направленности конкретной практической деятельности, следу-

ет пользоваться понятием «задачи» [4, с. 37–39]. В упомянутом контексте целесообразно обратить внимание на ч. 2 ст. 2 УПК, которая предусматривает, что уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости. Указанное положение развивает ч. 2 ст. 7 УПК, закрепляя, что установленный УПК порядок производства по материалам и уголовному делу призван обеспечить законность и правопорядок, предупреждение преступлений, защиту от необоснованного обвинения или осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае обвинения или осуждения невиновного - незамедлительную и полную его реабилитацию, возмещение ему физического, имущественного и морального вреда, восстановление нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав.

Приведенные выше нормы наглядно демонстрируют, что эффективность уголовно-процессуального права законодатель связывает прежде всего с обеспечением защиты прав, свобод и законных интересов граждан. И это не случайно, ведь в современном мире безусловным приоритетом выступает человек. «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства», - гласит ст. 2 Конституции Республики Беларусь.

Надо сказать, что белорусское уголовно-процессуальное законодательство сделало серьезный шаг в направлении реализации данных конституционных установлений. Вместе с тем анализ отдельных норм свидетельствует о наличии определенных издержек в обеспечении должной защиты прав граждан при производстве по материалам и уголовному делу. Так, согласно ч. 2 ст. 173 УПК уже в самом начале процессуальной деятельности – на этапе рассмотрения заявлений, сообщений о преступлении могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). По длительности данный этап процесса превышает начальный срок предварительного следствия, составляя 3 месяца со дня поступления в орган уголовного преследования информации о преступлении.

Естественно, такая богатая по содержанию и времени деятельность не может не сопровождаться вовлечением в нее значительного числа граждан, правовое положение которых в УПК практически не урегулировано. При этом они нередко претерпевают определенные ограничения. В частности, пользуясь отсутствием легального разъяснения понятия «место происшествия», правоприменители до возбуждения уголовного дела могут проводить осмотр жилища, иного законного владения, рабочего помещения и других объектов, которые, по мысли органа уголовного преследования, являются местом происшествия, изымать обнаруженные предметы и документы, в том числе записи личного характера. С учетом современного развития информационных технологий нередко изъятию подлежит компьютерная техника, цифровые накопители, которые направляются

на экспертизу. Подобные действия способны нарушить нормальный ритм работы отдельных лиц и организаций, подорвать их авторитет и деловую репутацию.

Даже такое на первый взгляд безобидное процессуальное действие, как получение объяснений, может повлечь моральные переживания человека, недоверчивое отношение к нему со стороны коллег по службе, близких и т.п. А ведь в рамках проверки оно зачастую проводится неоднократно. Так, Н.М.Савина описывает случаи, когда на протяжении длительного времени граждане по 6-7 раз вынуждены были являться по вызову органа дознания для дачи объяснения. При этом никто из них не имеет права на возмещение расходов, связанных с участием в процессуальных действиях, что вытекает из ст. 162 УПК [5, с. 12].

Среди этих лиц особо следует выделить тех, в отношении которых проводится проверка их причастности к совершению преступления. В уголовно-процессуальном законе они вообще никак не обозначены и рассматриваются чаще всего как лица, дающие объяснения. Характерно, что в Российской Федерации еще в 2000 году Конституционный Суд вполне однозначно выразил свою позицию по вопросу о статусе изобличаемых лиц, отметив, что в их отношении нужно учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение [6]. Таким образом, Е.А.Зайцева утверждает, что «с точки зрения Конституционного Суда РФ, эти лица являются подозреваемыми» [7, с. 23]. Однако никаких прав, хотя бы отдаленно напоминающих права подозреваемого, они не имеют.

Усугубляет ситуацию то, как законодатель урегулировал право участвующих на стадии возбуждения уголовного дела заинтересованных лиц на уведомление об итоговых решениях органа уголовного преследования. В соответствии с ч. 3 ст. 174 УПК о принятом по поступившему заявлению или сообщению о преступлении решении сообщается заявителю и одновременно ему разъясняется право на его обжалование.

Анализ указанной нормы свидетельствует о том, что субъектом получения такого сообщения выступает лишь заявитель, т.е. всякое лицо, обратившееся в суд или орган уголовного преследования в порядке, установленном УПК, за защитой своего действительного или предполагаемого права либо сообщившее об известном ему готовящемся, совершаемом или совершенном общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом (п. 10 ст. 6 УПК). Когда информация о возможном преступлении поступила из другого источника, например, материалов оперативно-служебной деятельности органа дознания, то о принятом по результатам проверки решении никто из граждан вообще не уведомляется. Но если при возбуждении уголовного дела эти лица в силу обретения ими определенного процессуального статуса, например, подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца, и дальнейшей с ними работы все же узнают об итогах деятельности соответствующих должностных лиц при рассмотрении заявления, сообщения о преступлении, то в случае, например, отказа в возбуждении уголовного дела в информационном вакууме остаются все участвующие в процессуальных действиях граждане, кроме заявителей.

Это правило действует и в отношении лиц, задержанных по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, и освобожденных в течение 12 часов из-под стражи с последующим отказом в возбуждении уголовного дела.

Они, как и другие участвующие на данном этапе уголовного процесса лица, не являющиеся заявителями, права на уведомление о принятом решении не имеют.

Такая регламентация рассматриваемых правоотношений ставит под сомнение реализацию одного из конституционных прав граждан на обжалование решений государственных органов и должностных лиц. Причем даже для заявителя, который уведомляется о принятом по поступившему заявлению, сообщению решению, эффективное использование этой возможности существенно затруднено.

Очевидно, что подготовка обоснованной и аргументированной жалобы требует хороших знаний всех перипетий проведенной проверки. Однако заявитель вправе получить лишь копию документа, в котором коротко изложены установленные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения, и выводы органа уголовного преследования. Ознакомление же с материалами проверки заявления, сообщения о преступлении законом не предусмотрено. Между тем в силу ч. 2 ст. 34 Конституции Республики Беларусь государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Данное правомочие в уголовном процессе, на наш взгляд, в полной мере, относится не только к заявителю, но и другим лицам, о которых шла речь выше. Поэтому отсутствие в УПК его закрепления в определенной степени затрудняет доступ к информации о деятельности органа уголовного преследования и не способствует решению приоритетной задачи уголовного процесса по защите прав, свобод и законных интересов личности.

Стоит заметить, что в условиях дефицита подобных предписаний в УПК Российской Федерации Конституционный Суд России в своих решениях от 18.02.2000 года № 3-П и от 06.07.2000 года № 191-О признает за лицом, чьи законные интересы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, право на ознакомление с материалами проверки, проведенной по заявлению или сообщению о преступлении.

Еще одной проблемой в разрезе обеспечения прав и законных интересов личности является наличие в УПК норм, момент реализации которых отдается на усмотрение органов уголовного преследования. Так, п. 1 ч. 1 ст. 41 УПК наделяет подозреваемого правом «знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела или о признании его подозреваемым». Между тем закон не устанавливает срок, в течение которого подозреваемому должны быть вручены или направлены указанные документы. Это приводит к тому, что лицо долгое время ничего не знает о своем положении, имеющимся подозрении и проведении в его отношении ряда процессуальных действий. Данная информация зачастую становится известной лишь в момент привлечения его к участию в следственных действиях, нередко значительно позже обретения положения подозреваемого. Известны случаи, когда сущность подозрения и права подозреваемого разъяснялись последнему по прошествии более месяца с момента наделения его соответствующим процессуальным статусом, непосредственно перед предъявлением обвинения. [8]. В то же

время, будучи *de iure* подозреваемым, лицо лишается возможности реализовать свои права, в том числе и обеспечить себе защиту от подозрения.

Отсутствие четко определенного срока предъявления подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему и свидетелю постановления о назначении и проведении экспертизы влечет возможность ознакомления указанных участников процесса с этим важнейшим документом уже после производства экспертизы, фактически перед самым окончанием предварительного расследования, когда основные выводы по уголовному делу уже сделаны. Тем самым данные лица на протяжении значительного времени, измеряемого месяцами, могут находиться в неведении относительно проводимого экспертного исследования и его результатов. Причем, если экспертиза была назначена в ходе рассмотрения заявления, сообщения о преступлении с последующим принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о назначении и проведении экспертизы и заключение эксперта вообще никому из граждан, вовлекавшихся в производство проверки, не предъявляются.

Серьезные нарекания с точки зрения обеспечения защиты прав граждан, подвергшихся преступному посягательству, вызывает регламентация порядка возбуждения уголовных дел частного обвинения. Часть 2 ст. 426 УПК, формулируя требования к содержанию заявления о возбуждении такого дела, определяет, что в этом документе должны найти отражение в числе прочих обстоятельств преступления сведения о лице, его совершившем. В случае отсутствия этих данных документ не принимается судом и возвращается для устранения недостатков в срок до 10 суток (ч. 1 ст. 427 УПК). Безусловно, гражданин может обратиться в орган уголовного преследования, который обязан принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление, сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 172 УПК). Однако при установлении признаков преступления частного обвинения, указанный орган согласно п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК уполномочен принять лишь одно решение: о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить уголовное дело в суде в соответствии со ст. 426 УПК. При этом лицо, совершившее преступление, может так и остаться неустановленным.

Наглядный пример приводит В.М. Новик: «...гражданину К. причинены менее тяжкие телесные повреждения в результате наезда автомобиля. Транспортное средство, совершившее наезд, не установлено, так как водитель скрылся с места дорожно-транспортного происшествия. После проверки на основании заключения судмедэксперта о том, что телесные повреждения К. по степени тяжести являются менее тяжкими (ч. 1 ст. 317 УК), милиция на законных основаниях (п. 4 ч. 1 ст. 174 УПК) дальнейшую проверку прекращает» [9, с. 74].

В подобных обстоятельствах уголовное дело орган дознания возбудить не вправе, а устанавливает лицо, совершившее преступление частного обвинения, некому. По этому поводу А.И. Швед справедливо отмечает: «Складывается ненормальная для правового государства ситуация. Пострадавшие граждане пытаются найти защиту у государства и обращаются, как правило, в органы внутренних дел. Там в полном соответствии с законодательством они получают ответ,

что следует обратиться в суд, однако в суде их заявление не принимается как не соответствующее требованиям УПК» [10, с. 25].

Не так давно эта проблема стала предметом обсуждения Конституционного Суда Республики Беларусь, который в своем решении от 27.11.2015 года «О правовом регулировании возбуждения уголовных дел частного обвинения» признает существующий в настоящее время пробел в УПК и предусматривает необходимость внесения в него изменений и дополнений, обязывающих органы уголовного преследования возбуждать уголовные дела о преступлениях, преследуемых в частном порядке, в случае отсутствия сведений о лице, их совершившем.

Однако законодатель не очень торопится вносить поправки в УПК, о которых идет речь в актах Конституционного Суда. Причем это касается не только упомянутого выше документа, но и, например, решения № 112/2001 от 03.04.2001 года, в котором предложено «Национальному собранию Республики Беларусь внести изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство, закрепив в нем право на обжалование действий и решений органа дознания, дознавателя или следователя не только прокурору, но и в суд, а также установив в таких случаях процедуру обращения граждан за судебной защитой». Уже третий год ожидает своей очереди реализация в уголовно-процессуальном законодательстве позиции Конституционного Суда, изложенной в Заключении от 12.06.2014 года № 3-928/2014, о том, что в УПК следует предусмотреть «положения, устанавливающие право близких родственников заявлять требования о необходимости продолжения уголовного процесса с целью возможной реабилитации умершего...».

С сожалением, приходится констатировать, что вместо решения очевидных с точки зрения защиты прав и интересов граждан задач, законодатель увяз в реформах ради реформ. Иногда складывается впечатление, что изменения в УПК вносятся просто для выполнения плана, реализации каких-нибудь программ, а не для устранения пробелов, коллизий, создания дополнительных гарантий для человека.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что в уголовно-процессуальном праве активно ведется поиск путей оптимизации процедуры производства по материалам и уголовным делам. При этом реформирование законодательства должно быть не целью, а средством повышения эффективности норм, главным предназначением которых согласно ч. 2 ст. 2 УПК выступает формирование в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждение справедливости.

Список использованных источников:

1. Хабриева, Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. – № 12. – С. 5–26.
2. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. – М.: Юрид лит., 1980. – 176 с.
3. Курочкин, С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права / С. А. Курочкин // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

4. Элькинд, П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 143 с.
5. Савина, Н.М. Процессуальные издержки: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации / Н.М.Савина // На страже. – 2011. – 15 июля.
6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П // Вестн. Конституц. Суда РФ. – 2000. – № 5.
7. Зайцева, Е.А. К вопросу о гарантиях прав лиц, в отношении деяний которых проводится доследственная проверка / Обеспечение права подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному права на защиту : материалы IV Междун. науч.-практ. конф., Саранск, 13 дек. 2013 г. / редкол.: Л.Д.Калинкина (отв. ред.), Е.И.Шигурова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 204 с.
8. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2006 год. – Уголовное дело № 06011023877; архив суда Партизанского района г. Минска за 2006 год. – Уголовное дело № 07011052501.
9. Новик, В. Правовые коллизии производства по уголовным делам частного обвинения и пути их урегулирования / В. Новик // Судовы веснік. 2008. – № 3. – С. 74–76.
10. Швед, А. И. Легко ли пострадавшему стать частным обвинителем? / А.И. Швед // Законность и правопорядок. – 2008. – № 3. – С. 23–27.

УДК 343.265

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ПРОБАЦИИ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В.И. Диско,
аспирант юридического факультета БГУ

Наказания, связанные с изоляцией лица от общества, не всегда эффективны, хотя бы потому, что осужденный испытывает неблагоприятное влияние со стороны других заключенных в местах отбывания наказания. Результатом усвоения осужденным системы ценностей "тюремного мира" зачастую является совершение нового преступления. Кроме того, содержание осужденных ложится бременем на плечи налогоплательщиков. В этой связи устоявшимся является мнение о том, что не во всех случаях изоляция лица, совершившего преступление, от общества является необходимой и оправданной.

Осознавая это, многие государства строят свою работу по предупреждению рецидивной преступности путем закрепления в уголовном законе наказаний, не связанных с изоляцией лица от общества, а также в случае, если такое наказание было к нему применено, разрабатывают систему эффективных мер по ресоциализации осужденного. Во многом проведение такой уголовно правовой политики является частью системы пробации, выстраиваемой во многих странах.